

Марк Довлатов

Дюбров

втроем

в М

13 оттенков

соблазна

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Марк Довлатов

Любовь втроем в М.

13 оттенков соблазна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63637081

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-99186-6

Аннотация

Перед вами новый сборник секс-рассказов об эротических приключениях Майкла Д. Может ли возникнуть вожделение к женщине, если ты любишь другую? Будет ли это изменой? Как с этим бороться или как жить? К чему это может привести? Эта книга о соблазнах, искушениях, о любви и ревности, о фантастических сексуальных экспериментах – только не пытайтесь все это повторить: автор снимает с себя всякую ответственность за вашу самостоятельность.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Амур де труа. Подвески королевы	5
Красный бархат, черный шелк	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Марк Довлатов

Любовь втроем в М.

13 оттенков соблазна

Сборник секс-рассказов

*А Я говорю вам, что всякий,
кто смотрит на женщину с вожделением,
уже прелюбодействовал с нею в сердце своем.
(Евангелие от Матфея 5:28)*

Амур де труа. Подвески королевы

Михаил в десятый раз проверил телефон – сообщений не было. На душе было смутно, какой-то червяк елозил внутри. Вчера они с Белкой были на дне рождения Тимки Лиходелова. И выпили немного, и вернулись не поздно. *Че ж так наскудно, а.* После застолья устроили, как водится, скачки – скакали долго и буйно, от души, потом подустали и завели старую рок-балладу – «Still Loving You» Scorpions. Его пригласила танцевать Дашка, Тимкина подружка, обняла за шею и прижалась к нему всем телом. Через ее плечо Михаил поймал взгляд Белки. *Но я же не виноват, она сама. Да и не было ничего. Или было. В штанах-то у тебя точно было. Ну, в здоровом теле... что ж поделаешь.* Возвращались они молча, и дома он сразу ушел на кухню, долго курил и сёрфил по инету в своем ноутбуке. Через час он улегся на диван, Белка лежала на правом боку, спиной к нему, и усиленно делала вид, что спит. Ночью он часто просыпался и искал ее рукой – она была рядом, это его успокаивало, и он опять проваливался в тревожный сон. Утром проснулся он поздно, Белка уже ушла на работу. Больше всего хотелось помыться, и он долго тер себя мочалкой под душем, менял горячую воду на холодную и обратно, но ощущение какой-то липкости не покинуло его. Кофе и сигарета не улучшили его состояние духа, и он отправил Белке смску. Придумать ничего не

смог и написал просто «Как дела». Ответа не было до сих пор, вот уже час. Звонить не хотелось, она могла быть занята с больными, а неотвеченный вызов добавил бы ему дискомфорта в груди. Он пробовал смотреть телевизор: новости его только разозлили, юмор весь был дубово-дебильным, и даже музыкальные каналы совсем не радовали. Он выключил телевизор, пошел на кухню и опять закурил. В кармане джинсов завибрировала мобилка, он судорожно ее достал, чуть не выронил и с радостью увидел портрет улыбающейся Белки с анимацией вызова.

– Алло! Привет, Бельчонок! Как дела, – все еще с опаской спросил он трубку.

– Привет, Мишка! У нас тут такие дела!

Слава богу! У них – значит, не у нас. Может, пронесло.

– А что за дела? Умер кто?

– Да типун тебе на язык!

– А че тогда? Проверка Минздрава напала?

– Да нет! Не перебивай, дай сказать!

– Ну говори уже.

– У меня заведением есть, Анна Сергевна, помнишь?

– Не помню. И что с ней. Хвост тебе накрутила?

– Да наоборот все! Представляешь, утром меня вызывает, и вижу, она вся какая-то... вздрюченная... нервная то есть, места себе не находит и все так на меня поглядывает, но не говорит ничего.

– А ты что.

– А я тогда ее и спрашиваю: Анна Сергевна, у Вас случилось что, на Вас лица нет.

– А она.

– А она так мнется, видно, что сомневается – говорить или нет.

– И долго она сомневалась?

– Ну не знаю, Мишка, я на часы не смотрела. Короче, потынялась она по кабинету из угла в угол и говорит: я думаю, Вы, Бэла, скромная, порядочная девушка...

– Это она про тебя?

– Ну конечно, про меня, Дуридом ты стоеросовый, там больше никого и не было!

– Ну а ты книксен сделала?

– Это еще что такое?

– Ну, реверанс.

– Мишка! Нет у меня времени совсем! А ты не даешь сказать!

– Да говори уже. Молчу.

– Ну вот она и рассказывает, что спешила сегодня на работу и забыла дома на столе телефон.

– Ну бывает – большое дело. И что с того?

– А то, что ей муж дозвонился на рабочий – он сегодня домой возвращается, из командировки, на день раньше.

– Ну и отлично – закинет ей телефон в больницу.

– Да ты не понимаешь ничего! У нее там – смски!

– У всех смски. Я тебе тоже сегодня писал.

– У всех – да не у всех! Ей вчера один... знакомый... такого понаписывал! А потом они вечером встречались. У нее. И он сегодня, наверно, опять понаписывал. А телефон на столе! А муж приходит...

– Понял. И случайно так глянул. Внутрь.

– Ну да!

– Так пусть съездит – заберет, и все дела. Муж же еще не приехал?

– Так в том-то и вся петрушка! Она ключи не может найти! А муж уже в обед дома будет!

– Не повезло твоей Манне Сигизмундовне.

– Да она Анна! Сергевна!

– Ну и ладно. Ты-то чего такая... взъерошенная.

– Да она ж моя начальница, Мишка! И женщина она хорошая. Надо ей помочь!

– Это как?

– Ну придумай что-нибудь! Срочно!

– Придумать? А где она живет?

– На площади Согласия, 17. Третий подъезд. Пятый этаж. 30-я квартира. Окна прямо на обелиск смотрят.

– Ого. Это на маршрутке почти час валандаться.

– Ну Мишутка! Ну сделай что-нибудь! Ну я прошу! Ты же все можешь! Когда захочешь.

– Дверь выломать?

– Не, ну это нельзя. Надо как-нибудь по-другому. Но времени совсем нет!

– Ладно, я попробую.

– Ну постарайся! Она ж моя начальница! Да и жалко ее.

– Ну хорошо, хорошо. Я позвоню.

– Я буду ждать! Но у тебя полчаса всего!

– А ты меня любишь?

– Ну конечно!

– Тогда все.

Тогда все хорошо. Но что же делать. Времени в обрез. Надо Тимке звонить. Он набрал номер Тимура.

– Привет, Тимка. Ты как? Встал уже?

– Привет, брат. Нормально. А ты?

– Да и я.

– А ты не хочешь пивчиком полирнуться?

– погоди, Тимка. Мне нужно, чтоб ты мне помог. Срочно.

– А че там? Сам банку не можешь открыть?

– Да нет. Мне до площади Согласия надо минут за десять добраться.

– Нууу... это... сложновато будет.

– Да сам знаю! Надо очень!

– А зачем это?

– Да долго рассказывать! Заодно бы твоему коню копыта обновили. Поможешь?

– Да не вопрос. Надо, так надо. Выходи.

– Вот молоток! Бегу!

Михаил похлопал себя по карманам, почесал затылок, взял с собой швейцарский раскладной нож и побежал вниз.

У подъезда он посмотрел на часы – было тридцать пять минут первого, он закурил и услышал мерный знакомый рокот – Тимур неделю назад купил «Harley-Davidson Low Rider». Он бросил сигарету, запрыгнул на заднее сиденье и ухватился за ремень на джинсах Тимки.

– Дуй!

Харлей рванул вперед так, будто кто-то нажал спусковой крючок, ветер засвистел в ушах Михаила, он ухватился за талию Тимура обеими руками. *Слава богу, что еще не обед.* Машин было мало, и Тимур умудрялся оставить красный свет у себя за спиной, проскакивая на желтый. Они минут за пять доехали до проспекта Мира – в конце его уже был виден обелиск Неизвестному солдату, установленный в центре площади Согласия. *Еще и раньше доедем.*

– Куда едем?

– Вот он, крайний дом. Заезжай во двор! Третий подъезд!

Тимур резко затормозил у третьего парадного, Михаила бросило вперед, он отстранился и спрыгнул с мотоцикла.

– Ну, ты, блин, ковбой, Тимка!

– Так зачем зверя брал! Зря, что ли.

Дом был пятиэтажный. Михаил заскочил в подъезд, ухватился за перила, придал себе ускорение и бросился наверх. На пятом этаже было две квартиры, 30-я была справа – металлическая дверь, отделанная под дерево, сверкнула блестящим дверным молотком. *Позвонить надо на всяк случ.* Никто не открыл, тогда он достал нож, раскрыл тонкое лез-

вие и вставил в замок – тот немного провернулся, но не поддался. Не поддался он напору и других лезвий. *Черт, ну ясно же было, что не откроется, это ж тебе не хрущоба старая. Что ж его делать, блин. Надо с улицы посмотреть.*

На улице он запрыгнул в седло.

– Давай вокруг дома.

– А че ты хочешь-то?

– Да в хату надо попасть, к телке одной. А дверь не открывается.

– Так пусть она тебе изнутри и откроет. А че за телка-то? Клёвая?

– Да это Белкина начальница. На работе она.

– А тебе какого хера там надо? Если ее там нет?

– Да мобилку она забыла. Муж щас вернется.

– И че? Звонить будет?

– Прочитает!

– А есть что?

– Да уж наверно есть, если мы с тобой сюда прискакали, как... два, блин, гребаных мушкетера на Росинанте! Стой уже!

Так, вот он, торец. Балкон. Ага, пожарная лестница. Далеко, сука. Да что ж делать. Надо лезть.

– Я полез.

– Мишка! Ты ебан*лся, или только собираешься?!

– Только собираюсь. Поймаешь меня, если что.

– Да я тебе, в жопу, что – голкипер – ловить тебя!

– Надо, Тимка. Белка просила. Очень.

– Ну, так бы и сказал. Ты, это... береги там себя, брат. Ни пуха.

– Ладно. К черту.

Михаил подпрыгнул, ухватился за нижнюю перекладину лестницы, подтянулся и полез наверх. У пятого балкона он посмотрел на площадь, на обелиск, – до края балкона был примерно метр. *Не дотянуться. Надо прыгать. Могила, если что, рядом.* Он выдохнул, оттолкнулся и прыгнул, вытянув вперед руки, ухватился ладонями за перила балкона, ноги по инерции ушли дальше, в живот врезался выступающий ящик с цветами. *Ух, ёпт! Давай, Майкл! Ррраз! Уф, все. Лежим пять секунд. Все, встаем. Ну твою ж маму! Ну конечно, дверь закрыта! Стекло бить нельзя. И назад теперь как?!* Он поднял голову – балконная форточка была слегка приоткрыта. *Ага, щас мы вас хакнем! Плечи пролезут? Пролезут. Поехали.*

Михаил с трудом протиснулся в узкую форточку головой вперед, опустил руки и нырнул, сделав кульбит. Он оказался на полу, на спине, в голове пульсировала боль. Он открыл глаза: над ним нависал край круглого стола, на котором стояла бутылка из-под шампанского и два пузатых хрустальных фужера по бокам. *На что-то это мне похоже. Хрусталь фиолетовый. Чешский. Нехило.* Он повертел головой: елочка дубового паркета была покрыта пушистым ковром, у стены стоял дубовый же буфет с немецкими сер-

визами «Мадонна». *И столовый, и чайно-кофейный.* У другой стены – тумба с часами и хрустальной вазой: ярко-красные розы были еще свежи. Он с трудом встал, согнулся вперед до пола, подвигал руками, *все цело*, и посмотрел на стол: бронзовый канделябр с тремя оплывшими свечами, большая коробка конфет «ассорти», ваза с апельсинами и рядом – Samsung G925F Galaxy S6 Edge в чехле под черепаху с золотыми арабесками и двумя висюльками со стразами внизу. *Вот она, королевская цацка. 128 гигов. Кино можно записывать.* Профессиональная оценка гаджета появилась в голове сама собой. *Не у нас купила, я бы запомнил.* Он взял смартфон – пароля на скринсейвере не было. Ого – 12 сообщений, 8 пропущенных вызовов. *Есть там что-то наверно, чтобы понервничать.* Он сунул телефон в карман и посмотрел на часы – 12:50. *Обед скоро. Боже, это ж щас муж припрется!* Без всякой мысли он схватил пустую бутылку и фужеры, вынес их на кухню и спрятал в шкафчик, вернулся в холл и повертел замок входной двери – тот пружинисто открылся. Слева от двери висело зеркало в золоченой раме, под ним на тумбочке лежала связка ключей. *Да, чем-то была занята голова у нашей докторши сегодня. Или не головой она думала совсем.* Он схватил ключи, спрятал в карман джинсов, вышел, захлопнул дверь – английский замок исправно щелкнул. *Ну, все. Еще и покурить время есть.* Он неспешно закурил, глубоко затянулся, замер, выдал в потолок череду колец из дыма и двинулся вниз. Голова была аб-

солютно пуста, левая рука достала Galaxy в черепаховом чехле, большой палец заходил по экрану. *Так, video03-08-15-01, video03-08-15-02, video03-08-15-03. Вчерашние. Кино, значит. Про брудершафт. Ну-ну.* Правая рука достала его собственный Samsung. Клик-клак, *найти блютуз-устройства, соединить, передать. Хорошие машинки. Столько всего тут да напихать можно.*

Михаил вышел из подъезда и подошел к харлею.

– Ну че там, брат?

– Все путем. Поехали.

– Ну ты циркач! Садись. Куда теперь?

– Подкинь меня к больнице – отдать надо.

– А че там пишут? Читал?

– Да на хрен оно мне. Пусть себе тешатся, Бэкингеми. Я свое дело сделал. Поехали.

– Ладно. Держись.

Харлей рыкнул как голодный лев и рванул вперед. На повороте от дома они разминулись с подъезжающим такси. Михаил достал свой телефон и набрал номер Белки.

– Ну что?! Где ты? Уже час!

– Уже еду к тебе.

– Достал?!

– Для тебя – хоть луну с неба, Бельчонок. Но шею чуть не свернул.

– Ну ты у меня прям герой, Мишка! Спасибо! С меня бонус!

– Какой?

– Какой хочешь! Массаж тебе сделаю! Шеи.

– Не, Белка, этого мало.

– А что ты хочешь?

– Не меньше, чем ночь африканской страсти. С танцем живота. На балконе.

– Ладно! Будет тебе ночь живота! Побежала к Анне Сергевне! Целую!

– Куда?

– Туда!

Михаил выставил голову из-за плеча Тимура, подставил лицо ветру, не хотелось ни о чем думать, утренняя мряка в душе рассеялась, было легко и радостно. *Хорошая она у тебя, а, Майкл. Хорошая. Не то слово. Самая лучшая. А готовит как! Котлеты с вермишелью. Горчицей так намажешь... А есть же как охота!*

Мотоцикл заехал на стоянку перед райбольницей, Тимур заглушил мотор.

– Я твой должник, Тимка.

– Да уж – упаковка с тебя.

– Carlsberg?

– Пойдет.

Они хлопнули в воздухе ладонью об ладонь, Тимур подмигнул и уехал. Михаил поднялся по ступеням, миновал холл с регистратурой и на втором этаже зашел в сестринскую – Белка была одна. Она бросилась к нему, обняла за шею,

поцеловала в губы и отстранилась.

– Привез?!

– Ну я же сказал. Даже ключи привез.

– Правда?! Ну пошли скорей! Анна Сергевна извелась вся!

– Да отдай сама. Я-то тебе зачем.

– Ну ты что! Пойдем! Ты ж ее спас! Пошли.

– Ну пошли. А то лучше бы мы с тобой тут...

– Ну Мииишка! Ну потом! Идем.

– Ладно. Идем.

Они вышли в коридор, дошли до кабинета с надписью «Заведующая терапевтическим отделением», Белка постучала, взяла Михаила под руку, и они вошли.

– Вот, Анна Сергевна. Миша мой. Он привез! И ключи нашел! Ваши.

Михаил почему-то ожидал увидеть круглолицую растрепанную тетку. Из-за стола поднялась плотная женщина лет сорока: длинные волосы цвета воронова крыла чуть вились, окаймляя овал лица, и густыми волнами спадали на белый халат, солнце из окна слегка просвечивало его, и было видно, что под ним ничего нет, кроме кружевного белья; вырез на груди был не треугольный, а полукруглый и почти наполовину открывал внушительный бюст – в ложбинку его опускался золотой крестик с темными, почти черными гранатами. Анна Сергеевна двинулась им навстречу, лицо ее было совершенно спокойно, ни следа тревоги не осталось на нем, в

ушах мерно покачивались длинные серьги с гранатами; темно-синими глазами она смотрела прямо на Михаила.

– Здравствуйте, Мишель. Вы мой спаситель сегодня. Но как Вам это удалось? Так быстро. Рассказывайте.

– Здравствуйте, Анна Сергеевна. Тимка на харлее подбросил. За десять минут всего. Потом лестница. Форточка на балконе была открыта. Ничего сложного. А ключи Вы на тумбочке забыли, у двери. А телефон – на столе. Держите. Вот и все кино.

Михаил оторвался от Белки, двинулся вперед, вынул из карманов телефон и ключи и протянул их Анне Сергеевне; она подняла вверх руки и обняла снизу своими ладонями его ладони и слегка сжала их, глядя ему в глаза.

– Я Вам так благодарна! Не всякий бы на такое пошел.

– Не стоит благодарности, мадам, – последнее слово взялось неизвестно откуда и само слетело с языка; он слегка наклонился вперед в подобии поклона, как будто хотел поцеловать женщине руку. Пряный шанельный запах от ее груди ударил ему в нос, крестик призывно поблескивал и указывал на расщелину, он не мог оторвать взгляд от роскошной плоти – она бесстыдно звала его и обещала райское наслаждение, притягивала к себе как магнит, *размер пятый, что ли, или даже больше*, – меня же Белка попросила. Я бы для нее и не такое сделал.

Женщина отпустила, наконец, ладони Михаила, оставив в своих телефон и ключи, двинула быстро большим пальцем

по экрану, глянула и спрятала Galaxu в карман халата.

– Так Вы Бэлу Белкой называете?

– Ну да.

– Как мило. А меня бы Вы как назвали?

– Пантерой. Царя Соломона. Извините. Вырвалось. Нечаянно.

– Да ничего. А у Соломона была пантера?

– У Соломона была царица Савская.

– Интересный у Вас ход мыслей, юноша. Повезло Вам, Бэла, – хороший у Вас... друг.

– Дааа, он у меня такой хороший! Только ему нельзя это часто говорить!

– Вы говорите, Бэла, говорите. А то другие скажут.

– Хорошо, Анна Сергеевна! Так мы пойдем уже?

– Конечно, конечно. Спасибо Вам огромное еще раз, Михаил! Заходите, если что. Я у Вас в долгу. Может хворь какая приключится, не дай бог. У Вас ничего не болит, надеюсь?

– Нет, я здоров как конь. Шею вот только о подоконник ударил. Когда в форточку нырял.

– Да что Вы говорите! У меня дома? Это моя вина!

– Да пустяки, пройдет.

– Нет, я не могу этого допустить. Дайте, я посмотрю. Руками. Говорят, они у меня волшебные, – Анна Сергеевна улыбнулась и опять приблизилась к Михаилу, подняла руки и завела их ему за уши, прошла пальцами по затылку, позвонкам и основанию шеи; грудь ее уперлась в его футболку как

таран в ворота осажденного города, бедра коснулись джинсов, пуговица халата ткнулась в ширинку, ноздри его наполнились ее запахом, уши Михаила покраснели. *Ну, блин, сиськи у тебя точно волшебные, MILFушечка ты Савская.*

– Ничего страшного нет. Все на месте. Можно ему на ночь компресс поставить. Сможете, Бэла?

– Да уж я ему поставлю! Компресс! Куда надо! Не сомневайтесь! Я это умею!

– Ну и отлично. Заходите к нам, Миша. Буду рада Вас видеть.

– Ладно. До свиданья тогда. Пошли, Белка.

Они вернулись в сестринскую, Белка закрыла дверь и всем телом прижала к ней Михаила, правая рука ее скользнула вниз, нащупала ширинку и сжала изо всех сил.

– Ну ты что, Белка! Раздавишь к черту! Пусти!

– Я тебе шас пущу! Ты на какое это свиданье ее уже пригласил, подлец?!

– Ты что, сдурела?! Просто до свиданья сказал.

– Просто, говоришь?!

– Ну да.

– Да я видела, как она тебя щупала!

– Так она ж врач! Это ее работа! Пусти, больно!

– Работа?! А чего он у тебя торчит до сих пор?!

– Ну ты ж его... приласкала. Вот он и...

– Не ври мне! И вчера на Дашку торчал! Нет?!

– Белка, ну это у него работа такая! Я тут при чем?

- Ах ты, сукин кот! Работа у него! А мозги включить?
- Ну какие у него мозги, Белка? Нету.
- Так а я о чем?! Кобелино ты мухосранский!
- Ну Бельчонок, ну ты что, я ж только тебя люблю! Правда!
- Правда?!
- Ну что б я сдох!
- Ладно уж. Поживите еще пока. До следующего раза, – девушка отодвинулась, развернулась, дошла до диванчика, упала на него, закинула ногу на ногу и сложила руки на груди.
- Ну вот, наградила, называется. За подвиг.
- Я уже вас наградю! Вот приду домой, доберусь до сковородки – и награждю! По полной программе! Обоих!
- Ну Белка! Ну перестань.
- А мадам ты ее зачем назвал?!
- Не знаю. Вырвалось случайно. И ты так хочешь? Так ты ж не мадам – ты ма-де-му-а-зель. Буду так тебя звать.
- Ма? Му? Не, не хочу!
- Ну Бельчонок, ну не злись.
- Как это мне не злиться, если злость из меня так и бьет!
- Да я заметил, что бьет! А разобьет их, что ты потом будешь делать? Яичницу-болтанку? Омлет?
- Ну ты болтун такой у меня, Мишка!
- Какой такой.
- Любимый. Иди сюда. Посидим. Да не трогай меня! Про-

сто обними. Нуу... не подлизывайся!

– Ладно. Не буду.

– Нет уж! Давай подлизывайся дальше! Я еще не совсем добрая.

Михаил обнял девушку за плечи, погладил носом по шее, куснул за мочку уха и двинул руку по ее бедру вверх, под халат.

– Ну Мишка! Хватит уже! А то Анна Сергевна заглянет, а мы тут...

– Да она поймет.

– Да уж, поймет. Кто бы сомневался! Стыдно же!

– Давай дверь закроем.

– Не, Мишка, ну нельзя. Я ж на работе.

– Ладно. Пойду тогда. До свиданья.

– Ну я тебе дам щас свиданье! Палучишь!

– Ну не злись, маленькая.

– Да я и не злюсь уже.

– Ты же знаешь, что мы только тебя любим.

– И он?

– И он. Точно тебе говорю.

– Точно?

– Стопудово.

– Ну идите тогда сюда, к двери. Быстренько. Пока нет никого.

Михаил встал, подошел к двери и прислонился к ней спиной.

– А ключ?

– Да я не буду ничего делать, губу не раскатывай. Поцелую его просто. Разочек. Хочешь?

– Ну я так хочу, Белка, что лопну сейчас! Ну давай. Ох и классно ты это делаешь! Еще. Еще немножко...

– Нет уж! Хватит с вас!

– Ну Белка!

– Сказала – нет! Идите домой, вы наказаны. И еды купите. Я вечером буду голодная.

– Да я и сейчас уже... съел бы тебя всю!

– А ты помучайся! От голода. До вечера.

– Ну вот, так всегда. Придешь домой и найдешь наш хладный труп. Два.

– Ничего! Я вас быстренько реанимирую! У меня это в прошлом семестре было! Я на пятерку сдала!

– Ну ладно. Дай губы. Мы ушли.

– Мишка! Это попа, а не губы! Пусти! Идите уже!

– Пока, Бельчонок.

– Пока.

Михаил спустился по ступенькам больницы, на ходу закурил и со вздохом выдохнул дым. *Ну все. Пронесло. Почти. Отделался легким испугом. С угрозой членовредительства.*

В маршрутке он достал телефон, воткнул в уши наушники и нашел старый французский сборник «Paris, Mon Amour». Вышел он на одну остановку раньше, зашел в универсам, нагреб в тележку разных фруктов, какие попались под руку, во-

друзил сверху ананас, взял самую большую коробку «ассорти» Липецкой кондитерской фабрики и торт с толстым слоем белого крема сверху. *Гадко во рту как. Сладкого чего-то хочется. Дольче вита.* Дома на кухне он разложил все по полочкам в холодильнике, покурил и решил сходить в душ. *Устали мы что-то с тобой, Майкл, от этих приключений. Надо отдохнуть.*

К пяти часам Михаил нагрел чайник, разложил фрукты на блюде, достал конфеты и поставил торт в центр стола. Белка пришла в полшестого.

– Прости меня, Бельчонок.

– За что опять?!

– Такая я скотина.

– Да я сама знаю! Говори уже!

– Лень напала ужасная и усталость. Будто я три дня на лошади скакал без остановок. Провалился на диване – ничего на ужин не приготовил. Может, чаю попьем?

– А батон есть?

– Был, кажется. И масло есть.

– Ну и ладно. Я-то думала. Попьем чаю. С вареньем. Потом кино посмотрим. Наливай пока – я руки вымою.

– Ну давай. Я на кухне.

Михаил разлил чай по кружкам.

– Мииишка!

– Что, Бельчонок?

– Ну какой ты у меня хороший! Подлец, правда. Но хоро-

ший.

– Хочешь сладкого?

– Конечно! Как ты догадался? Наедемся щас!

– Ну садись, маленькая. Я тебя буду кормить.

Они валялись на диване и смотрели телевизор. Белка матляла туда-сюда ногами, согнутыми в коленях, и сквозь этот маятник Михаил смотрел древний французский фильм, который видел уже сто раз. Жерар Баррэ прыгал в повозку с сеном с высоченной стены, дрался на шпагах с гвардейцами кардинала, а Милен Демонжо пыталась его то соблазнить, то убить. Анна Австрийская была высокомерно хороша, Ришелье – умен и коварен, а четверо друзей дружно пили в трактире анжуйское, бургундское, шампанское и ели мясо, разрезая его кинжалами, потом опять скакали на лошадях, отстреливались от погони – впереди у них был Париж, Лувр и их королева.

– Красиво они там жили, а, Мишка, скажи.

– Красиво.

– А она красивая?

– Милен Демонжо? Конечно. Роскошная женщина. Глаза какие.

– Не морочь голову, Мишка. Я не про нее говорю.

– А про кого?

– Про Анну Сергевну.

– Та ты что – тетка толстая. Я думал, ты про Миледи.

– Ну не ври мне, Мишка. Я же видела, как ты на нее смотрел. В вырез халата.

– Нууу... сочная женщина.

– А ты бы ее... ты бы с ней... хотел бы? Признайся.

– Да ты что! Никада!

– Вот брехун ты, Мишка! А ну говори правду, а то откручу сейчас! К чертовой матери!

– Ну Белка! Ну сильно очень! Больно!

– Говори! Правду! Я всегда чувствую, когда ты врешь!

– Да когда это я тебе врал?!

– Вот и говори! Быстро!

– Нууу...

– Ну давай!

– Не буду.

– Ну Мишка, ну давай. Не буду откручивать, говори. Мне интересно просто.

– Нууу... я бы ей руку под халат засунул. Ради интереса просто.

Белка вскочила, оседлала Михаила, вцепилась ему в горло и сжала пальцы – он выпучил глаза.

– Ах ты подлец дуридомский! Я так и знала!

– Пееелка! Атпусти! Сатушишь!

– И задушу тебя! Скотина кобелинская!

– Белка... умираю... Все... умер... прощай.

– Да тебя не добьешь еще!

– Ну чего ты, в самом деле! Сама же спросила. Правду.

– Дурак ты какой, Мишка!

– Ну я пошутил, Бельчонок! Пусти.

– Ей же лет сорок уже! Она же меня вдвое старше!

– Ну и что. И тебе будет когда-нибудь. Лет сорок.

– Точно. И ты думаешь, мы еще будем этим заниматься?

– А почему нет.

– Я как-то не подумала. А она этим занимается, как ты думаешь.

– Думаю, да.

– Как мы?

– В смысле?

– Нууу... со всякими такими штучками-дрючками. Или просто под одеялом.

– Не знаю. У каждого свое кино. Кино они, кстати, вчера записывали.

– Какое кино?! Откуда ты знаешь?! А ну говори!

Вот, блин, опять попал. Ну что за день.

– Ну понимаешь... я когда выходил... от нее... с телефоном...

– Так ты смотрел!!!

– Ну что ты, Бельчонок! Как можно! Это же неприлично!

– А откуда же ты знаешь – про кино?! Если не смотрел? Быстро говори! А то я из тебя всю душу вытрясу!

– Да я просто хотел попробовать, как ее шестерка с моей пятеркой законтачит. По блютузу.

– Ах, ее шестерка!!! И как – законтачила?! С пятеркой?

– На раз. Чик – и готово.

– И что?!

– Ну и ничего. Просто видел, что у нее три видеофайла со вчерашними датами.

– И не смотрел?! Не ври мне!

– Да клянусь! Щас удалю, и все.

– Как это – удалишь? Откуда?

– Из своей пятерки.

– Так ты скачал?! Ее видео?! И молчишь?!

– Да я и забыл совсем.

– Вот брихун! Ночью на кухне смотреть собрался!

– Да никуда я не собрался! Вот при тебе и удалю.

– Давай! Чтоб я видела.

– Да пожалуйста. Вот они. Помечаем. «Удалить».

– Стой!

– Ну что еще?

– Мишка.

– Что.

– Ты точно не смотрел?

– Ну сказал же. Клянусь. Здоровьем. Твоим. Если вру – можешь его... никогда больше не... Можешь даже открутить. Все.

– Ладно. Верю.

– Ну, слава богу!

– А признайся.

– Ну что еще?

– А хотел посмотреть?

– Бельчонок, да я и забыл про них. Думал, чего бы тебе сладкого купить.

– Ну ты и подлиза, Мишка!

– Ну тебе ж понравилось?

– Вкуснотища!

– Так что – стираем?

– Ну погоди.

– Чего годить-то? Если не смотреть?

– Мне... посмотреть хочется. Одним глазком только. Что там в сорок лет еще бывает. Надо ж силы рассчитать. На двадцать лет вперед. Вдруг не хватит.

– Ну так давай посмотрим.

– Ты что! Стыдно! Нельзя так. Как я потом на нее смотреть на работе буду!

– Да ерунда. Может, там и нет ничего такого.

– А если есть? Если они это самое делают.

– Ну, представишь, что это просто порно ролик. Из инета.

– Ты думаешь?

– Ну да.

– Так что делать?

– Да давай глянем да и сотрем. По-быстрому.

– Глянем?! Это ты будешь смотреть, как мою начальницу... голую... тарабанят... а она своими сиськами трясет... которыми к тебе прижималась?! Да я тебя лучше сразу убью!

– Ну что ты, Бельчонок! Ты же сама меня попросила. Ей

помочь. А потом сама меня к ней привела. Кто она мне. Так, Моника Беллуччи районного масштаба.

– Правда?!

– Ну конечно! Так что? Глянем да и забудем.

– А если совесть потом заест?

– Так мы ее накормим. Тортиком.

– Вот за что я тебя люблю – никогда за словом в карман не лезешь.

– Не, Белка. В карман – это ты лучше залезь. Двумя руками.

– Палучите вы у меня! Оба! Ладно. Давай по-быстрому. Включай.

Михаил взял свой телефон и хотел включить воспроизведение, но передумал – открыл проводник и по сети бросил файлы на жесткий диск медиаплеера, взял пульт и нажал «Play». На сорока двух дюймах возникла комната, в которой он сегодня был – верхний свет не горел, свечи на столе извивались пламенем язычков, будто хотели получше рассмотреть, что делается у стола. У стола стояла на коленях женщина, одетая только в ожерелье из стразов: пламя свечей преломлялось в них и превращалось в яркие блики на ее смуглой коже; она легонько улыбалась и поддерживала ладонями роскошные груди, слегка покачивая ими и подбрасывая вверх.

– Мишка! Да это же Анна Сергевна! Голая вся! Ужас какой!

– А ты кого хотела увидеть – Анну Австрийскую? Голую, но в горностаевой мантии и короне?

– Ну как же она так может?! На весь экран! Свои сиськи!

– Да их можно и еще увеличить. Вот. Подвески у нее – что надо! В 3D бы снять – сюда бы достали.

– Вот дурак! Выключи!

– Ладно. Стираем уже?

– Погоди. А чего это она на коленях стоит?

– Молится, может, а? Свечи. Часовня. Щас кардинал придет. Давай посмотрим?

– Ну давай. Только ты не увеличивай!

Слева в кадре появилось мужское достоинство оператора, женщина придвинулась, взяла его правой рукой и похлопала им по своей щеке, потом высунула язык и подняла глаза вверх; язык змеиным жалом походил вокруг головки, ужалил ее и спрятался; за дело взялись губы, потом зубы и опять губы.

– Боже, Мишка! Что она делает!!!

– А что? Ты разве так не делала?

– Так она ж солидная женщина! Завотделением! Райбольницы!

– И что?

– Так ее ж в кино снимают! А она сосет как...

– Белка. Их же только двое. И они делают, что хотят. Что им приятно. Что нравится. Это нормально. Разве нет?

– Ну да, наверно. Я прям не знаю, Мишка, что и думать.

– А ты и не думай. Ты вон мокрая уже. От мыслей.

– Ну не трогай! А то не досмотрю! Как ты думаешь – они в лошадки тоже там играют, как мы?

– Во втором файле, может.

Камера смартфона дрожала в отставленной вбок руке. груди женщины колыхались, спина блестела и опускалась вниз, соски терлись о ворс ковра, пальцы левой руки раскрывали губы; камера перемещалась по спине вниз, открывая взору две круглые упругие подушки гарема, на которые хотелось прилечь и забыться сладким сном. *Ну давай, Люмьер, влупи ей ладошкой хорошенько!*

– Мишка! Да у нее же видно все! Вот бесстыдница! Ну никогда б не подумала!

– Ну Белка, она же доктор. Просто анатомия. Женская.

– Да это не анатомия, а голая задница! Я хоть медсестра, а ты и не доктор даже! Не смотри! Закрой глаза!

– Так я же сегодня в больнице был – я пациент, она доктор, ты – медсестра: амур де труа, да и только!

– Это еще что такое?!

Господи, Майкл, ну когда ты уже засунешь свой язык в...

– Это такой технический термин, Бельчонок.

– А что он означает?

– Он означается, что я соскучился по твоей попке.

– Ну не ври, брихун ты такой! И убери руку оттуда! Еще третий файл!

В третьем файле телефон держала женщина, камера была

направлена сквозь расщелину в холмах грудей вниз: бедра ее были широко расставлены, между ними двигалась макушка партнера.

– Мишка! Да она не стриженная даже! И сама себя снимает!

– И зачем это красоту стричь? Ты вот тоже пушистая. Белка.

– Ну не говори так! Развратники вы оба!

На экране телевизора прямо в камеру поднялся мужской корпус, пристроил свою главную часть меж грудей, сжал их по бокам и задвигал ею; это плавное движение перешло в резкие толчки и закончилось в опаловой лужице на смуглой коже – экран потух.

– Боже... я думала... это только мы с тобой... такие...

– Ты разочарована?

– Я обалдела совсем, Мишка. От такого.

– Ты разве раньше такого не видела? В кино?

– Так то ж актеры! В Америке! А это Анна Сергевна! Тут!

– Так и ты тоже тут, Бельчонок. Расслабься. Все нормально.

– Да как я могу расслабиться, Дуридом ты совсем!

– Ну давай я.

– Так же?

– Если хочешь.

– Не, ну конечно хочу. Будто ты не знаешь. Теперь даже и не так стыдно будет.

– Ну вот, хоть какая польза.

– Ну конечно, хоть какая! А чего это он у тебя опять торчит, как водонапорная башня?

– Первого файла хочет, Бельчонок.

– С ней?!

– Вот ты дурында какая у меня! Давай уже поработай – с обеда ждем!

– Ну ничего, подождите еще. Я сильнее хочу. Давай с третьего начнем.

– Файла?

– Слушай, Мишка.

– Что.

– Да нет, это я так.

– Говори уже.

– Нууу.. может я... как она... пока ты там...

– Язычком поработаешь?

– Да нет! Третий файл!

– Как она? Ты хочешь... кино снять?

– Ну не спрашивай! Уйду щас совсем! Сам догадайся!

– Своим телефоном?

– Ну да.

– Анне Сергеевне показать?

– Вот дурак! Ну совсем Дуридом!

– А зачем?

– Нууу... не знаю. Захотелось просто. Сама не знаю, почему. Могу я захотеть что-нибудь?

– Ты можешь захотеть все, что угодно, Бельчонок.

– Правда? Так ты согласен?

– Ладно. А потом я?

– А вдруг ты телефон потеряешь?

– Да у меня три пароля и блокировка через сеть.

– Нууу...

– Не ну, а да.

– Ну, да, да! Ладно! Но только ты пееервый!

– Договорились.

– Правда? Ты согласен... быть... у меня в телефоне...

там...

– Да мне только приятно будет. Может, вспомнишь когда-нибудь, согласишься.

– И ты не боишься, что я кому-нибудь покажу?

– Белка.

– Что.

– Мы же верим друг другу. Нет?

– Ну да.

– Давай договоримся: это только для нас двоих. Навсегда.

И можем делать все, что хотим. Идет?

– Ладно. Так я беру телефон?

– Погоди.

– Ты что – передумал уже?

– Нет. Помнишь, тебе сон снился?

– Какой?

– Про торт.

- Помню. Стыдный совсем.
 - Давай твоего бельчонка тортиком накормим.
 - И снимем?! Я?! И оставим?!
 - Ну да. А потом ты. Крем со сливками будешь?
 - Ну Мишка, ну это стыдно!
 - Но вкусно.
 - Нууу... вкусно.
 - Так ты согласна?
 - Нууу... ладно. Но только я первая!
 - А попку намажем кремом?
 - Ну убью тебя щас!!!
 - Потом?
 - Ну не приставай, Мишка! Много сладкого – вредно!
 - Ладно. Растянем удовольствие.
 - Нууу... посмотрим. Как ты себя будешь вести.
 - Я буду героем! Хоть каждый день на балконы буду прыгать!
 - Герой ты мой любимый. Не надо тебе по чужим балконам лазить. Иди уже за тортиком.
 - Ладно. Раздвинь ножки пока. Я мигом.
- ***

Красный бархат, черный шелк

Михаил Дуридомов ощутил тепло сквозь закрытые веки, повернулся на правый бок и поелозил левой рукой рядом с собой, рука наткнулась на холодную простыню: место Бэлы пустовало; он резко развернулся, открыл глаза и посмотрел на дисплей спутникового ресивера. *Елки-палки, уже почти десять, Белка ушла давно, а ты дрыхнешь. А что-то тебя ждет может быть сегодня. Хорошее. А ты все проспидь так. Проснешься когда-нибудь в склепе. Один. Открыл глаза – одно черное вокруг. Бррр. Пошли уже кофе пить, Майкл. Ну пошли.* Он посмотрел на шторы: они горели красным теплым светом, луч солнца прорвался в просвет, разрезал темноту комнаты и проложил по пододеяльнику яркую полосу, окрашенную по краям в красноватые тона.

На кухне Михаил сыпанул жменю «Carte Noire» в жерло кофеварки, нажал кнопку и пошел чистить зубы. Вернувшись на кухню, он открыл крышку ноутбука, нажал Power, забрал у кофеварки бабушкину кружку и поднес ее к носу, сёрбнул, облизал пену, достал из пачки сигарету, провел ею под носом и закурил.

По выходным они с Бэлой завтракали вместе, она заливала кофе в кофейник недавно купленного сервиза, разливала по маленьким белым чашечкам с перламутровым отливом, брала свою и пила кофе, картинно отставляя мизинец.

Ему нравился этот мизинец, нравилась Белка, командующая на кухне, и он подчинялся новому ритуалу, но, когда просыпался один, предпочитал пить кофе из старой бабушкиной кружки, вдыхая аромат французской арабики и выпуская через ноздри дым сигареты с вирджинским табаком.

Бэла жила с ним уже постоянно, не придумывая для домашних ночные дежурства в райбольнице, где она работала медсестрой. Она заставила сделать Михаила давно задуманный ремонт, поменяла шторы и взялась за мебель – первым был куплен диван, место, на котором они проводили большую часть времени, когда бывали дома вместе. В планах была покупка новой кухни с дубовыми фронт-панелями и разной кухонной техники и утвари. Михаил денег на все эти обновления не жалел, благо они появились, и ему доставляло удовольствие ходить с Белкой по магазинам, где она держала его под руку и громко обсуждала с ним разные товары. Ему нравилось ее стремление свить гнездо по своему вкусу, он не мешал ей, его радовало это ее «мы», «наш». Он мог иногда для виду покобниться и вытребовать себе бонус на ночь. Она тогда ругала его Дуридомом, но соглашалась и выписывала чек с незаполненной графой «желание», которое он потом придумывал и воплощал в жизнь. Белка никогда не отказывалась от данного слова, разрешала ему почти все, но иногда с боем, и почти никогда сразу не признавалась, что ей это нравится – каждое такое признание нужно было вытягивать из нее силой. Полтора года совместной жизни не

сделали их секс «супружеским долгом», он часто бывал ассоциативно-спонтанным; Михаил не перестал ощущать себя ковбоем, накинувшим лассо на шею молодой дикой кобылки, ему нравился ее буйный нрав, ее брыканья; он медленно подтягивал веревку, постепенно приучая девушку к новому, без насилия заставляя ее делать все так, как хотел он. Им было хорошо вместе.

Михаил допил кофе, загасил сигарету и кликнул на рабочем столе ноутбука ярлык Firefox: загрузилась его домашняя страница, сайт их с Тимкой интернет-магазина электронных гаджетов. Он ввел пароль и подмигнул старому пирату, появившемуся на заставке, тот сидел с бутылкой рома под пальмой на берегу голубой лагуны. В динамиках раздался шум волн и звяканье золотых монет, падающих в сундук рядом с пиратом. Слева в окошках крутились цифры – текущее состояние их счета. В магазине продавались не только обычные гаджеты, но и дешевые крэкнутые прошивки и программы к ним. И кое-что еще, в другом разделе.

Последние три месяца Михаил с Тимуром сделали ставку на «умные» часы – почти семьдесят процентов смартфонов покупались с ними. У них же продавалась и их собственная разработка – китайский аналог диска «Chronos» с электронной начинкой и сенсорным датчиком, который крепился к тыльной стороне любых часов, синхронизировался со смартфоном и передавал вибро-сигналы от звонков и сообщений. Но изюминка была в другом: в крэкнутую прошивку

фирменных часов и свои диски они вшивали EmoRecPlayer – программу, позволяющую воспроизводить и записывать файлы *.*.eres. В этих файлах в электронный импульс были закодированы самые разные эмоции: удовольствие от утреннего кофе и контрастного душа, экстремальные ощущения на американских горках, тарзанках и парашютах, разные рилаксы. Эти файлы можно было скачать с их сайта по три доллара за штуку – они пользовались бешеной популярностью в Мухосранске и быстро распространялись дальше по просторам интернета; заказы на часы сыпались как из рога изобилия, колесики с цифрами слева от пирата крутились все быстрее. В последний месяц Михаил с Тимуром запустили в продажу новую группу файлов – в каждом был закодирован оргазм – мужской или женский; они продавались по десять долларов и расходились как горячие пирожки. Первые такие файлы Михаил записал сам с Белкой и использовал только для себя, он не мог этим делиться ни с кем, потом он нашел в инете несколько сайтов с такими пирожками, купил их и выставил у себя. В файлы записывались эмоции во время секса – у всех они разные, все хотят и делают что-то свое, нет двух похожих оргазмов. Свой фирменный продукт – прошивку к часам с EmoRecPlayer – он назвал Wish Watch и выстроил маркетинговую лестницу: сначала покайфуй в джакузи, попей пива в жару, покрутись на чертовом колесе, потом почувствуй прелесть чужого секса в море, потом заплати денежку, включи функцию записи и... *Ты же*

хочешь знать, Витек, что чувствует твоя девчонка в постели? Что ей нравится, что хочется, на что она согласна, а ты боишься ей предложить? Сто баксов, и золотой ключик у тебя в кармане, на руке то есть. Возникли даже сайты-клубы свингеров по обмену своими оргазмами по сети, всем им нужны были Wish Watch, – пиастры в сундуке у пирата звенели все громче.

Михаила оторвал от созерцания завораживающей картины пиратского счастья зуммер. *Тимка.*

– Привет, брат, как делишки.

– Включил статистику на нашем сайте. Смотрю сию, кофе пью.

– И че там статистика говорит.

– Говорит, что пора тебе своего харлея позолотить уже.

– Да че я – фуцик мухосранский. Мне и так клево. На выходных с Дашкой катнулись вот в «Лесные озера». Классно оттянулись. Баня там настоящая, русская.

– С вениками?

– Ну ясно – не со швабрами. Ты не хочешь? С Белкой.

– Да потом может. Занят сейчас.

– Бабки все считаешь?

– Да к черту их считать – трачу уже.

– Ну, так и надо – че их копить. А что купил.

– Да не я – Белка. Шторы купила. А я их до полночи вчера вешал.

– Чтоб не видел никто? Как вы там кувыркаетесь?

– Да кто меня на четвертом этаже увидит. Так, интересер.

– А это че за хрень.

– Да вот прикинь: у нас теперь красные шторы с черными полосками и золотыми лилиями. Шелк. Закроешь – как в борделе. А диван наоборот – черный с красными узорами. Бархат, чтоб меня черт забрал. Сечешь?

– Ну так и клево. Это ж Дашка узнает – и мне придется покупать.

– Да уж как пить дать.

– Слышь, брат, мне тут мысль в голову пришла.

– Записал?

– Да поди ты. Я Дашунчика в бане записал.

– Трах?

– Не, веник.

– И че?

– Ну, можно на рынок выпустить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.